

Глава тридцать третья. Встреча прелестной гостьи и тайные думы

Спутников у Дайюй оказалось немало, поэтому идти со всеми в покои, разумеется, не следовало. Ее сопровождали лишь старшие служанки Бань-ся и Люй-и да две няни — матушка Лю и матушка Чжан.

Едва переступив порог, Дайюй увидела пожилую женщину с серебряными прядями в волосах, которую бережно вели под руки две служанки. Она сразу поняла, что перед ней родная бабушка, и только склонилась в почтительном поклоне, как старая госпожа порывисто привлекла ее к себе.

— Ох, наконец-то я увидела мою Юй-эр! — воскликнула она и, не сдержавшись, горько разрыдалась.

Дайюй, не привыкшая к подобным излияниям чувств, растерялась, но, щадя любовь старой женщины, принялась тихо ее утешать:

— Юй-эр виновата, что заставила бабушку так испереживаться. Умоляю вас, не надо плакать, не терзайте свое сердце.

Окружающие тоже принялись наперебой успокаивать старушку, и лишь когда она немного утихла, Дайюй смогла совершить положенный обряд приветствия. Матушка Цзя, глядя на нее сквозь слезы, сокрушенно вздохнула:

— Гляжу на тебя — и сразу вижу твою матушку... Как же у нее сердце повернулось уйти раньше меня, дряхлой старухи!

При упоминании о покойной Цзя Минь Дайюй тоже прослезилась, но она превозмогла грусть и мягко проговорила:

— Если бы матушка знала, что я расстрою вас, она непременно стала бы меня корить. Пожалейте вашу Юй-эр, бабушка, успокойтесь.

Лишь тогда матушка Цзя утерла слезы и стала представлять Дайюй собравшихся:

— Это твоя старшая тетушка, это вторая тетушка, а это жена твоего покойного брата Цзя Чжу — твоя сноха Ли Ван.

Дайюй по очереди поклонилась каждой. Наконец старая госпожа указала на последнюю гостью и с улыбкой проговорила:

— А это наша здешняя егоза и баламутка. Зови ее просто Остричкой Фэн.

Дайюй взглянула на нее: женщина была одета в роскошные, расшитые разноцветными шелками одежды и казалась сошедшей с картины небожительницей. Она приветливо улыбалась и, не успев заговорить, уже смеялась.

— Послушайте только нашу почтенную прародительницу! — шутливо запричитала она в ответ. — Обрела такую писаную красавицу-внучку, что на нас, горемычных, теперь и глядеть не желает! Нет, бабушка, я так не играю, я глубоко обижена!

Дайюй мысленно улыбнулась ее веселому нраву и без труда догадалась, кто перед ней. Должно быть, это супруга Цзя Ляня.

— Вы, верно, вторая сноха Лянь? — ласково спросила Дайюй. — Примите мое почтение, сестрица.

Ван Сифэн изначально не собиралась дожидаться гостя в этих покоях, но после недавнего переполоха любопытство все же взяло верх. И теперь, глядя на молодую барышню Линь, она невольно залюбовалась: красота и благородство девушки поистине поражали воображение.

— Ну и глупа же я была, жила точно лягушка на дне колодца! — со смехом отозвалась Сифэн. — Оказывается, есть на свете такие неопишуемые красавицы! Неудивительно, что бабушка только о вас целыми днями и твердила, ни на миг из сердца не выпускала.

Слова Сифэн пришлись старой госпоже по душе. Счастливая, она ласково погрозила ей пальцем:

— Уж и егоза ты, только бы языком чесать! Смотри, как бы сестрица над тобой не посмеялась.

— Так ведь я чистую правду говорю, бабушка! Разве не так? — парировала Сифэн.

Дайюй лишь тихонько улыбалась, прикрывая рот ладонью и забавляясь этими шутливыми перепалками. Вдруг она уловила на себе чей-то тяжелый, недобрый взгляд. Обернувшись, девушка заметила, что на нее пристально смотрит вторая тетушка, госпожа Ван. Впрочем, Дайюй не подала виду и лишь приветливо улыбнулась ей в ответ.

— Ну же, ступайте позовите остальных барышень, — спохватилась матушка Цзя. — Ваша сестрица Линь только с дороги, пусть все соберутся здесь.

Служанки поклонились и поспешили исполнить наказ.

Вскоре в комнату вошла целая вереница служанок, сопровождавших четырех барышень. Дайюй слегка озадачилась: отец рассказывал, что у бабушки четыре внучки, но ведь самая старшая из них давно ушла во дворец императора. Откуда же здесь взялись четыре девицы? Впрочем, когда их начали представлять, недоумение рассеялось. Оказалось, что одна из

барышень — это Сюэ Баочай, племянница второй тетушки из богатого купеческого рода Сюэ из Цзиньлина. Скрыв удивление за безупречной улыбкой, Дайюй поднялась навстречу гостям, и они обменялись взаимными поклонами.

Когда все снова расселись по местам, слуги внесли чай и изысканные лакомства, причем Ван Сифэн самолично подносила чаши и блюда с фруктами. В этот момент госпожа Ван обратилась к ней с вопросом:

— Сифэн, выдали ли в этом месяце положенное содержание слугам?

— Все до единого медяка уже роздано, матушка, — послушно отозвалась Сифэн. — А еще я только что ходила со служанками на верхние склады искать те шелка, о которых вы вчера упоминали. Обыскали все углы, но так ничего и не нашли. Может, вы запомнили, и их там вовсе нет?

— Ну, нет так нет, не велика потеря, — отмахнулась госпожа Ван и добавила: — Я ведь хотела, чтобы ты сразу отмерила пару отрезков на платья для твоей новой сестрицы. Ладно, вели вечером еще раз хорошенько поискать, да смотри не забудь.

Услышав это, Дайюй с мягкой улыбкой поднялась со своего места:

— Сердечно благодарю вас за заботу, дорогая тетушка. Сразу видно, как тепло меня здесь принимают! Перед моим отъездом отец ужасно беспокоился, как бы я не обременила ваше гостеприимное поместье, а потому заранее приготовил для меня все необходимое до последней мелочи. Надеюсь, бабушка не станет смеяться над нашей излишней дотошностью.

Матушка Цзя едва заметно оживилась. Опередив госпожу Ван, старая госпожа поспешила ласково ответить:

— Твой отец без памяти любит тебя, дитя мое, так что в этом нет ничего предосудительного.

Она бросила мимолетный, многозначительный взгляд на вторую невестку и поинтересовалась, сколько людей прибыло вместе с Дайюй. В этот момент вперед выступила матушка Чжан. Почтительно поклонившись, она доложила:

— Благодарим старую госпожу за заботу. Наш господин души не чает в молодой барышне, ведь она его единственная отрада. Поэтому из Янчжоу привезли все вещи, к которым привыкла барышня, а также нескольких наставниц по этикету, коих инспектор соляного надзора пригласил лично для ее обучения.

О наставницах матушка Цзя, разумеется, знала заранее. Сколько раз она посылала людей в Янчжоу, чтобы забрать внучку, но Линь Хай всякий раз вежливо отказывал, ссылаясь на то, что уже нанял для дочери лучших наставниц по этикету.

— Зять мой чересчур щепетилен, — с мягким упреком проговорила матушка Цзя. — К чему было так утруждаться? Словно у нас в столице некому обучить девицу приличиям! И кто же из них прибыл с Юй-эр?

Матушка Лю, с самого начала скромно стоявшая в сторонке, прекрасно поняла скрытый смысл слов старой госпожи. С едва заметной вежливой улыбкой она выступила вперед и слегка склонила голову:

— Приветствую вас, старая госпожа.

Ее осанка была исполнена такого достоинства и невозмутимости, что присутствующие невольно переглянулись. Кое-кто из гостей даже нахмурился: откуда у простой служанки столько спеси? Кем бы она ни была, она остается лишь прислугой!

Дайюй лишь мысленно улыбнулась, ничуть не удивленная поведением своей наставницы. Матушка Цзя поначалу тоже недовольно сощурилась, но, будучи женщиной проницательной и умудренной опытом, принялась пристальнее разглядывать вошедшую. Лицо гостьи показалось ей смутно знакомым.

— Как величать вас, почтенная? — уже мягче спросила она. — Кажется, мне доводилось видеть вас прежде.

— У старой госпожи отменная память, — ровным голосом ответила та. — Моя фамилия Лю. В прежние годы мне выпала великая честь прислуживать покойной императрице Сяовэнь.

При этих словах матушка Цзя слегка переменялась в лице, но мгновенно взяла себя в руки.

— Ах, вот оно что! — с радушной улыбкой воскликнула она. — Вспомнила, вспомнила! Это ведь матушка Лю! Сколько лет прошло, как ваши дела, как здоровье? Юаньян, поскорее принеси матушке Лю стул!

Эти слова заставили всех присутствующих призадуматься. Люди в комнате собрались неглупые, и по одной лишь перемене в поведении хозяйки дома они сообразили, что перед ними не просто престарелая нянька, а особа весьма непростая.

Матушка Лю поблагодарила хозяйку легким поклоном и без лишней скромности опустилась на предложенный табурет. Дайюй, сидевшая подле бабушки, с тихой улыбкой наблюдала за лицами родственников.

Несмотря на почтенный возраст, матушка Цзя отлично владела собой. Скрыв истинные мысли под благообразной маской, она ласково произнесла:

— Подумать только, какая счастливая встреча! Раз уж моя дорогая внучка находится под

вашим чутким присмотром, у меня от сердца отлегло.

— На все воля судьбы, — сдержанно отозвалась матушка Лю, предпочтя не вдаваться в излишние подробности.

Ван Сифэн, славившаяся умением разряжать любую неловкость, поспешила перехватить нить разговора. Приняв самый веселый вид, она со смехом воскликнула:

— Ой, бабушка, поглядите только! Наш дядюшка Линь и впрямь души не чает в дочке! Надо же было раздобыть для нее столь почтенную наставницу! Теперь мы на вашем фоне кажемся совсем неотесанными. Уж ты, сестрица, не обессудь, не смотри на нас свысока, а лучше поделись манерами со своей непутевой снохой!

С этими словами она ласково сжала ладонь Дайюй.

Затем Сифэн принялась расспрашивать ее о дорожных хлопотах и прочих мелочах, на которые Дайюй терпеливо и вежливо отвечала. Когда беседа потекла спокойнее, подошло время нанести визиты вежливости обоим дядьям. Матушка Чжан улучила момент и обратилась к старой госпоже:

— С вашего позволения, старая госпожа. Люди нашей барышни все еще дожидаются у ворот. Не лучше ли отправить их вперед, чтобы они потихоньку занялись обустройством комнат барышни? А то еще разленятся без дела.

Лицо матушки Цзя осталось бесстрастным, а вот Ван Сифэн невольно сжала в кулаке шелковый платок. Старая госпожа благосклонно кивнула:

— Что ж, дело говоришь. А сколько слуг приехало с Юй-эр? Хватит ли места?

Матушка Чжан почтительно улыбнулась:

— С барышней прибыли лишь те, кто прислуживает ей повседневно: по четыре служанки первого, второго и третьего рангов. Чернорабочую прислугу мы с собой брать не стали. Кроме того, с нами приехали еще три пожилые няни, которых наняли вместе с матушкой Лю — все они также являются наставницами по этикету барышни.

Четыре наставницы, да еще из самого императорского дворца, и больше десятка личных служанок! Прочие обитательницы дома лишь переглянулись, но сидевшие в сторонке три молодые барышни семьи Цзя и Сюэ Баочай невольно призадумались.

Сюэ Баочай украдкой перевела взгляд на Дайюй, сидевшую подле матушки Цзя, и на душе у нее стало нестерпимо горько. Как ни крути, а эта барышня Линь была безупречна и лицом, и происхождением. Сама же Баочай, несмотря на все богатство купеческого рода Сюэ, рядом с

ней неизбежно казалась лишь дочерью безродного торговца.

Однако разместить такую ораву гостей было делом непростым. Ван Сифэн мысленно выругалась, понимая, что вся вина за этот недосмотр падет исключительно на ее плечи. Она украдкой взглянула на госпожу Ван, но та сидела с совершенно невозмутимым видом, что вызвало у Сифэн глухую ярость. Послушалась на свою голову тетушку! Та уверяла, будто девица Линь — еще совсем дитя, и устраивать пышный прием ни к чему. А в итоге лицом в грязь ударила именно она, Сифэн!

Ей ничего не оставалось, кроме как натянуть виноватую улыбку:

— Ах, глупая моя голова! Все из-за предпраздничной суеты. Я и подумать не могла, что сестрица прибудет во всеоружии, и не подготовила просторных покоев. Впрочем, я уже велела прибрать дворик Ароматного Снега, только там пока не все готово. Ей придется самую малость подождать.

Матушка Цзя прекрасно видела эти скрытые недомолвки, но, понимая, что Сифэн не виновата напрямую, лишь слегка ее пожурила для виду:

— Обычно ты у нас за всем следишь, а тут оплошала! Ну смотри, если сестрица на тебя обидится, сама будешь прощения вымаливать!

Дайюй поспешила сгладить неловкость:

— Что вы, бабушка, вторая сноха Лянь вовсе не виновата. Это мне следовало заранее предупредить, что я везу с собой столько слуг. Пожалуйста, не сердитесь на меня за беспокойство.

Лишь после этих слов матушка Цзя сменила гнев на милость. Матушка Чжан тут же добавила, что раз уж комнаты еще не убраны, то служанки Дайюй могут помочь с уборкой, ведь они лучше знают вкусы своей госпожи. Сифэн ничего не оставалось, кроме как приказать слугам проводить приезжих к дворику Ароматного Снега.

Затем старшая тетушка, госпожа Син, повела Дайюй засвидетельствовать почтение Цзя Шэ. Однако, обойдя обе половины дома, девушка так и не встретила ни с одним из своих дядей. Дайюй ничуть не удивилась этому. Хотя отец дома почти не поминал родню матери, а матушка Лю рассказывала только об устройстве внутренних покоев, в свое время старший брат Сяо Чжиюань подробно описал ей в письмах всех мужчин дома Цзя. О том, какие цели он преследовал, знал лишь он сам.

Поэтому то, что дядья уклонились от встречи, ничуть не задело Дайюй. Однако ее мнение о доме Цзя упало еще на одну ступень. И винить в этом девушку было нельзя: что бы ни говорили до этого другие, но один только сегодняшний день показал, что слова третьего брата оправдались в полной мере.

Когда они вернулись в главные покои и отужинали, Дайюй наконец довелось лицезреть ту самую «домашнюю гордость» семьи Цзя, о которой предупреждал в письме третий брат. При воспоминании о том, как завуалированно, но настойчиво вторая тетушка советовала ей держаться подальше от ее драгоценного сынка, Дайюй почувствовала легкое отвращение.

Поначалу она даже удивилась, почему лицо этого юноши кажется ей столь знакомым. Впрочем, списав все на кровное родство с покойной матерью, Дайюй выбросила эту мысль из головы.

Но едва открыв рот, этот молодой господин без тени смущения заявил, будто они уже встречались прежде. Подобная дерзость показалась Дайюй верхом невоспитанности. Кое-как выдавив из себя вежливую улыбку, она промолчала.

Однако Цзя Баоюй словно не замечал ее холодности и продолжал крутиться рядом. А уж когда он бесцеремонно спросил, есть ли у нее второе имя, Дайюй едва сдержала гнев и вежливо ушла от ответа, оборвав разговор.

<http://bllate.org/book/18189/1760874>